

УДК 82.09
ББК 80/83
Ж34

В оформлении обложки использована
иллюстрация А. Дурасова

Жаринов, Николай Евгеньевич.

Ж34 Исповедь литературоведа: как понимать книги от Достоевского до Кинга / Н. Е. Жаринов. — Москва : Эксмо, 2020. — 144 с. — (Искусство с блогерами).

ISBN 978-5-04-107167-7

В этой книге нет больших литературоведческих анализов. Да и какой в них смысл после трудов Бахтина, Лотмана, Дунаева и Набокова? Перед вами история о том, как литература переплетается с жизнью обычного человека и как в ней можно найти ответы на все важные вопросы — стоит лишь подобрать правильный момент для чтения, увидеть и услышать подсказки, которые спрятали писатели в страницах своих трудов.

Автор этой книги, филолог, журналист и блогер Николай Жаринов, рассказывает о книгах, которые сопровождали его на протяжении самых значимых и переломных событий в жизни. Мы видим, как с возрастом меняется отношение к «Преступлению и наказанию» Достоевского, почему книги Кинга становятся лучшими друзьями подростков, и как Бунину удавалось превращать пошлые истории в подлинное искусство.

Это исповедь, от начала и до конца субъективная, личная, не претендующая на истину. Спорьте, не соглашайтесь, критикуйте — ничто не возбраняется. Ведь по настоящему литературу можно понять, только проживая ее через собственные эмоции.

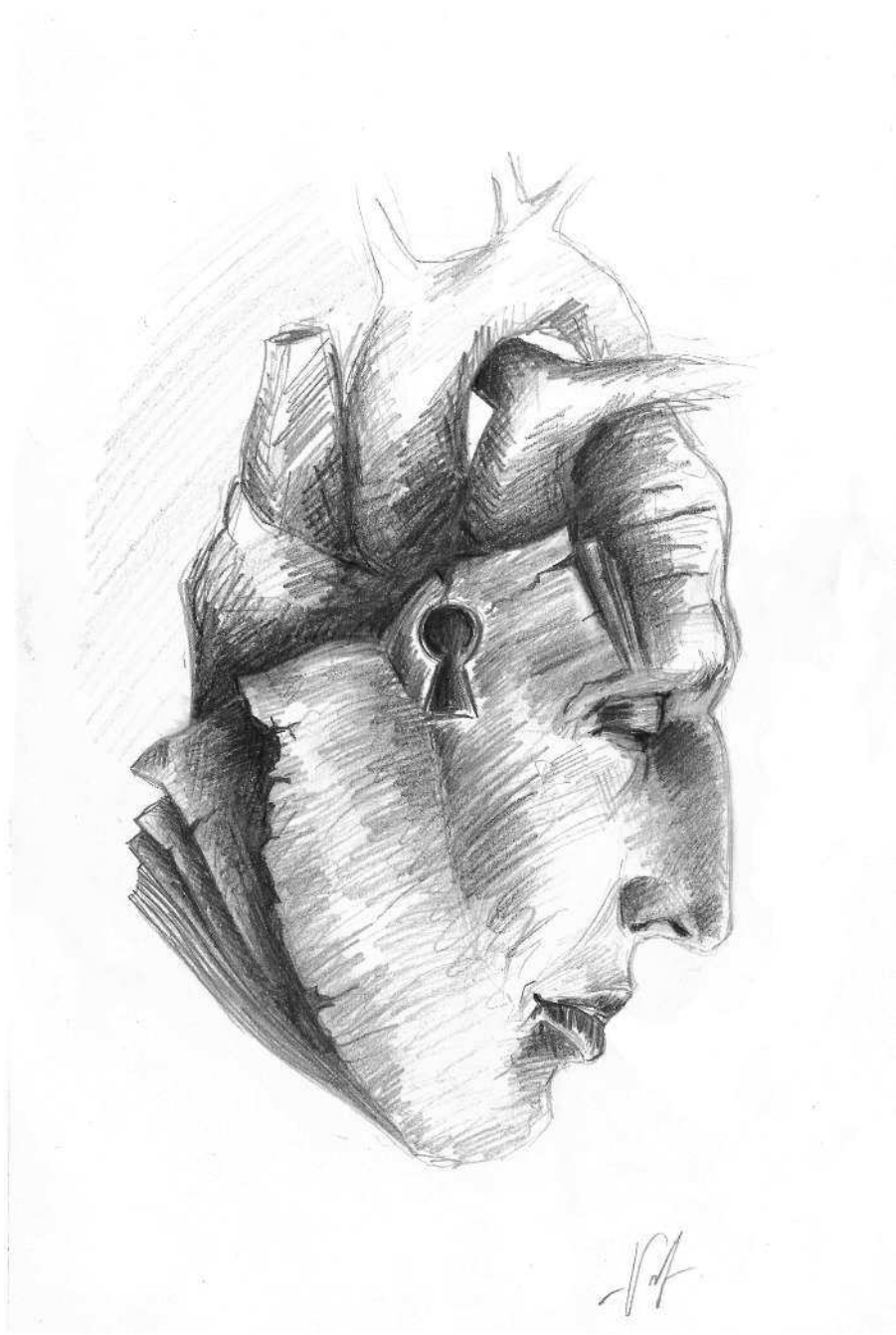
УДК 82.09
ББК 80/83

© Жаринов Н. Е., текст, 2020
© Багдасарян Давид, иллюстрации, 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-107167-7

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава первая. «Я СЛОВО ПОЗАБЫЛ, ЧТО Я ХОТЕЛ СКАЗАТЬ.» МОЯ БАНЬКА С ПАУКАМИ	9
Глава вторая. ДОРОГА К ТЕЛУ	41
Глава третья. МЕЧТА И РЕАЛЬНОСТЬ	65
Глава четвёртая. ЗАПАХ МОРЯ	87
Глава пятая. РОДИНА	113

J.F.

Вместо предисловия

Своё первое завещание я составил в двадцать семь лет. Не люблю все эти фатальные даты и цифры, но так уже сложилось. Имущества у меня почти нет. Велосипед, компьютер и около трёх тысяч книг в домашней библиотеке. Что и кому завещать — непонятно. Поэтому точнее всего прописал указания по собственному захоронению. Не то чтобы это имело какое-то большое значение. Какая разница, под какой плитой и в каком гробу гнить? Но вмешалась литература. Она всегда, с самого детства вмешивалась в мою жизнь. Вот и в тот период вспомнился мне рассказ Достоевского «Бобок». Там пьяный герой засыпает на кладбище и начинает слышать, как разговаривают покойники.

Вот мне и подумалось: а что если Достоевский отчасти был прав? Удивительным образом жизнь и литература всегда переплетаются самым причудливым способом. А тогда похороны должны быть такими, чтобы раскатать эту вечную вечеринку. Идея созрела быстро. Нужно было вместо надгробия поставить надувную фигуру, одну из таких, какие используют для рекламы. Они ещё двигаются,

как будто танцуют. На лицо прикрепить мою фотографию с улыбкой в тридцать два зуба, поставить специальную аудиосистему, которая постоянно бы транслировала Stayin Alive Bee Gees. Ну, и надпись на оградке: «Входите на могилу танцую».

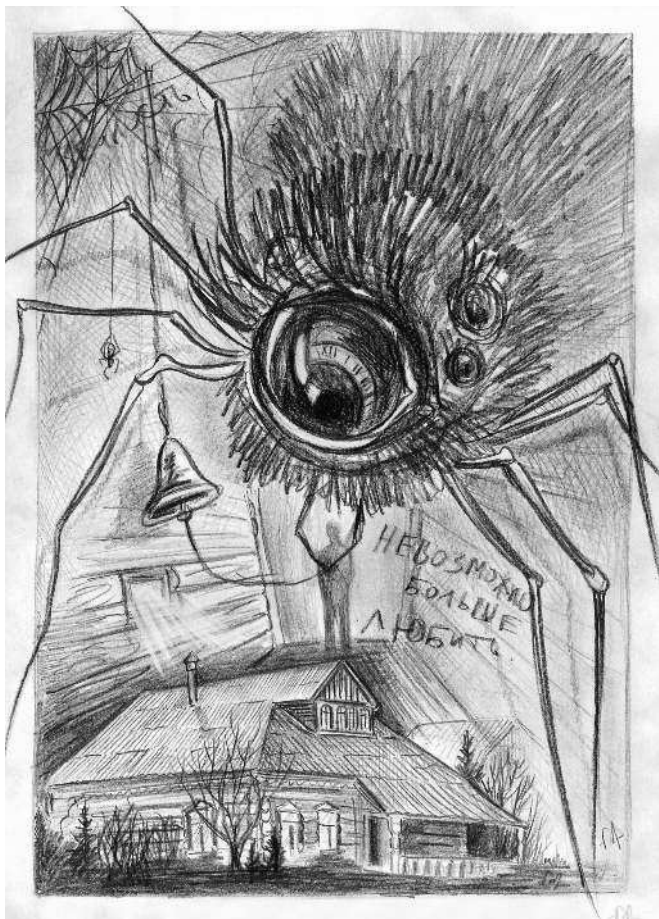
Красота! Документы зарегистрировал, нотариально заверил, все формальности выполнил... Но реальность... Ох уж эта реальность... Всегда с ней одни проблемы.

Прошёл год-другой, открыли рядом с моим домом фитнес-клуб. Район у меня, к слову, ничем не примечательный. Восток Москвы, по форме на фотографии из космоса напоминает кусок пиццы. Скелеты заводов вместо пепперони, парк вместо сыра, кладбище поджаристой корочкой. Рядом с этой корочкой я и живу. С одной стороны — кладбище, с другой — две школы. Одна — обычная, другая — не совсем. Ну, и МКАД. Прекрасно!

Так вот фитнес-клуб открыли прямо рядом с кладбищем. Тренируешься на беговой дорожке и бежишь на месте к крестам и плитам, которые перед тобой в окне маячат. Результат налицо, как говорится. Клиентов у клуба вначале было много. Потом меньше. Район у нас не слишком спортивный. И поставили рядом со входом в этот замечательный клуб с названием развалившейся страны надувную рекламу, которая танцевала день и ночь. Идёшь утром на спорт — кресты чернеют и надувной чувак ростом в три с половиной метра с улыбкой в тридцать два зуба танцует прямо у забора. Аниматор для мертвяков.

Идея моя потеряла свою актуальность, завещание я аннулировал, о смерти думать перестал. В новом тексте написал просто: «В случае моей кончины импровизируйте!» На том и порешил. Ведь реальность в моей стране такого свойства, что ни один вымысел с ней не сравнится. Достоевский это отлично понимал. Поэтому главное качество для писателя в России, на мой взгляд, не столько воображение, сколько умение подмечать детали. Слово — это, бесспорно, важно, но глаза... Глаза — это жизнь писателя. Его творчество, его душа.

В этой книге не будет никаких больших литературоведческих анализов. Какой в них смысл после книг Бахтина, Лотмана, Дунаева, Набокова и других? Это история о том, как искусство переплетается с жизнью. Так уж повелось, что моя судьба целиком и полностью оказалась связана с литературой. И это исповедь, от начала и до конца субъективная, личная, не претендующая на истину, потому что сам автор в истину среди людей не верит. Она слишком часто становится банальной пропагандой. Спорьте, не соглашайтесь, критикуйте. Ничто не возбраняется. Дело ваше. Моя же задача просто сказать своё слово.

Глава первая

**«Я слово позабыл,
что я хотел сказать...»**

Моя банька с пауками

Умение видеть и власть над словом. Вот что формирует настоящего писателя. Проблема в том, что чтение — это тоже огромная работа над собой, это отдельный вид искусства. Только вот великих писателей помнят, а великих чтецов — нет. Есть единицы, но это так, на грани статистической погрешности.

Настоящая книга — это ведь живой организм. Она живёт и развивается во времени, и в разном возрасте на одни и те же слова смотришь по-разному.

Два абсолютно разных впечатления. Два разных этапа. Два возраста: 15 и 27 лет. Два разных места: дача друзей и больница. Одна книга. Одна пропасть в бесконечные, но мимолётные 12 лет.

Так было у меня с Достоевским. Мне казалось, что пишет он интересно, но как-то слишком витиевато, внимание не удерживалось, отдельные слова и фразы терялись в общем потоке. Оставался сюжет. Он и поглощал всё моё внимание.

Представьте себе лето накануне десятого класса. Дача, компания подростков, первые сигареты, первый алкоголь, портвейн «777». Пойло отвратительное, но, как говорится, по заветам предков. В руках «Преступление и наказание», по соседству через забор — противная старушка, которая регулярно на нас орала, под рукой у печки — топор. Соблазнительно. Сцену убийства старухи перечи-

тывал раз десять, она жила в моей голове, в моём воображении, в моих снах. Даже топор подальше прятал, чтобы соблазнов не было. Но за этой сценой терялось всё остальное. Сколько деталей было упущено. Сколько всего проглядел...

Шло время, с друзьями детства стал видеться куда меньше, институт, женитьба, работа, развод, новые мечты, новая работа, новая любовь. О Достоевском вспоминал не слишком часто, только когда на лекциях про него рассказывал, но во всём этом не было чего-то настоящего, того, что позволяет не просто видеть произведение искусства, а чувствовать его.

Иногда нужно, чтобы вся твоя жизнь перевернулась вверх дном, чтобы всё к чертям полетело, потому что тогда по-новому начинаешь видеть, замечаешь то, что до этого упускал. Глаза открываются, забываешь слова, которые так часто говорил в своей жизни, что у них уже появился душок банальности. А новых слов ещё нет. Они только должны появиться на свет. И ты растерян, и в этой растерянности обостряются все ощущения, дремавшие до этого в покое обыденности.

Мне было 27, зима, конец января, и первый звонок. Здоровье, не вызывавшее сомнений, дало сбой. И изношенное тело проецируется на сознание, в скатерти которого возникает всё больше дыр. Заглядываешь в них — никаких ответов, одни вопросы и сомнения. А сомнения — это гибель любой стабильности. И всё кувырком. Расставания, смена работы, круга общения, ощущение одиночества, утрата любви. А потом лето, больница. И не

знаю как, не знаю почему, но рука моя сама взяла с полки Достоевского. Обычно не такое берут с собой читать, когда хотят вылечиться, но я человек упрямый. Убеждён: «Подобное лечится подобным».

У Фёдора Михайловича в романах настолько всё плохо, что понимаешь: пусть и не во всём, но в твоей жизни лучше. Клин клином. «Преступление и наказание» на капельницах.

А в романе сцена. Такая, что до дрожи пробирает. Вот она:

— Нет? Вы так думаете? — продолжал Свидригайлов, медленно посмотрев на него. — Ну а что, если так рассудить (вот помогите-ка): «Привидения — это, так сказать, клочки и отрывки других миров, их начало. Здоровому человеку, разумеется, их незачем видеть, потому что здоровый человек есть наиболее земной человек, а стало быть, должен жить одною здешнею жизнью, для полноты и для порядка. Ну а чуть заболел, чуть нарушился нормальный земной порядок в организме, тотчас и начинает сказываться возможность другого мира, и чем больше болен, тем и соприкосновений с другим миром больше, так что когда умрёт совсем человек, то прямо и перейдёт в другой мир». Я об этом давно рассуждал. Если в будущую жизнь верите, то и этому рассуждению можно поверить.

— Я не верю в будущую жизнь, — сказал Раскольников.

Свидригайлов сидел в задумчивости.

— А что, если там одни пауки или что-нибудь в этом роде, — сказал он вдруг.

«Это помешанный», — подумал Раскольников.

«Я СЛОВО ПОЗАБЫЛ, ЧТО Я ХОТЕЛ СКАЗАТЬ...»

— Нам вот всё представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность. Мне, знаете, в этом роде иногда мерещится.

— И неужели, неужели вам ничего не представляется утешительнее и справедливее этого! — с болезненным чувством вскрикнул Раскольников.

— Справедливее? А почём знать, может быть, это и есть справедливое, и знаете, я бы так непременно нарочно сделал! — ответил Свидригайлов, неопределённо улыбаясь.

Каким-то холодом охватило вдруг Раскольникова при этом безобразном ответе. Свидригайлов поднял голову, пристально посмотрел на него и вдруг расхохотался.

(Фёдор Достоевский,
«Преступление и наказание»)

Такое вот первое свидание двух героев.

Помню, как лежал на больничной койке и представлял, что вот так сейчас вместо медсестры сидит передо мной Свидригайлов и рассказывает про баньку с пауками. Сразу холодом подудло. Но насколько иначе взглянул я на это произведение. Не мог простить себе, что упустил такие моменты, когда читал книгу в первый раз.

Вот и понеслось. Читал только Достоевского, а осенью я снова оказался со старым другом на

даче, той самой, где провёл половину лета подростком накануне десятого класса. Тогда и «ожила» банька с пауками.

Маленький деревянный домик в Подмосковье. Асбест из стен сыплется, печка вся развалилась, осень ковром разноцветных листьев лежит за окном. Сидим вдвоём, постаревшие, проблемами нагруженные, лучи холодного сентябрьского солнца играют переливами в стеклянных стаканах. И за всем ворохом проблем взрослой жизни светятся воспоминания юности. И пьём мы их до дна на холодной веранде. Ну чем не банька с пауками?

Сейчас уже на мир иначе смотрю, а вот тогда прочувствовал.

Что за жизнь, где всё самое светлое скрывается в прошлом? Не это ли и есть та банька, о которой Достоевский говорил.

Не это ли та реальность, которая так часто встречается нам в жизни, о которой так много рассказов написал Чехов? Разве не в такой же баньке живёт Яков из «Скрипки Ротшильда»?

«...Яков понял, что дело плохо и что уж никакими порошками не поможешь. Идя потом домой, он соображал, что от смерти будет одна только польза: не надо ни есть, ни пить, ни платить податей, ни обижать людей, а так как человек лежит в могилке не один год, а сотни, тысячи лет, то, если сосчитать, польза окажется громадная. От жизни человеку — убыток, а от смерти — польза. Это

«Я СЛОВО ПОЗАБЫЛ, ЧТО Я ХОТЕЛ СКАЗАТЬ...»

соображение, конечно, справедливо, но всё-таки обидно и горько: зачем на свете такой странный порядок, что жизнь, которая даётся человеку только один раз, проходит без пользы?»

(Антон Чехов, «Скрипка Ротшильда»)

Много раз слышал я мнение, что художественная литература бесполезна, что, кроме научных книг, и читать ничего не стоит. Зачем тратить время на писанину психически больных людей? Раньше меня задевало это. Я пробовал что-то доказывать, а теперь просто с грустью смотрю на таких индивидов. Да, с грустью и жалостью, хоть жалость, по моему мнению, чувство достаточно противное, есть в нём что-то родственное со злорадством. Не-что снисходительное, уничижительное.

Достоевский в сочетании со «Скрипкой Ротшильда» Чехова в тот момент перевернул мою жизнь. Судьба затопила для меня «баньку», наука в лице медицины подтвердила: парься в ней, только дровишки лекарств в огонь подбрасывай, пей бальзам своих воспоминаний. Но вот не хотелось.

Я сидел на веранде, смотрел, как солнечные лучи играют в уже пустом стакане, и вспоминал Свидригайлова. «Банька» — это ведь мы сами, пока не разрушишь изнутри её стены, никуда не уедешь, разве что «в Америку».

«У запертых больших ворот дома стоял, прислонясь к ним плечом, небольшой человек, закутанный в серое солдатское пальто и в медной ахиллесовской каске. Дремлющим взглядом холод-